

DOI: 10.24411/2072-9316-2021-00051

С.А. Жилюк (Санкт-Петербург)

ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ГЕРМАНСКОГО ЭПОСА О НИБЕЛУНГАХ. ЧАСТЬ 1*

Аннотация. Сказание о нибелунгах получило широкое распространение в культуре европейских народов и неоднократно привлекало внимание отечественных (В.Г. Адмони, А.Я. Гуревич, В.М. Жирмунский, М.И. Стеблин-Каменский, Б.И. Ярхо) и зарубежных исследователей (М. Куршманн, Я.Д. Мюллер, Г. Хайнцле, А. Хойслер, У. Шульце). Вместе с тем следует отметить, что большинство современных исследований ограничивается изучением отдельных аспектов, и за последние десятилетия были предложены новые трактовки проблем германского эпоса, которые требуют обобщения и осмысления. Поставив своей задачей представить обзор основных достижений исследователей в деле изучения нибелунгова сказания, автор посвящает первую часть своей статьи обзору его генезиса и его южной (германской) версии. Она представлена в героическом эпосе «Песнь о нибелунгах» (*Nibelungenlied*) (ок. 1200 г. н.э.) и почти не изученном в отечественных научных кругах «Плаче» (*Klage*). Народные версии сказания нашли свое отражение в «Народной книге о роговом Зигфриде» и «Песни о роговом Зейфриде», значительно отличающихся от версии, изложенной в «Песни». Проблемы, связанные с сохранившимися рукописями и соотношением новых и архаичных явлений, нашедших отражение в «Песни о нибелунгах», а также вопрос об устности/письменности ее текста, получили широкое освещение в зарубежной литературе, в то время как вопросы языка исследовались в первую очередь отечественными учеными. Остается ряд областей, которые требуют дополнительных исследований: история создания и записи «Песни о нибелунгах», возможная устная форма передачи нибелунгова сказания в Средние века, а также бытование сказания в XVI–XVII вв. вплоть до обнаружения рукописей в середине XVIII в.

Ключевые слова: сказание о нибелунгах; героический эпос; «Песнь о нибелунгах»; «Песнь о роговом Зигфриде»; «Народная книга о роговом Зейфриде»; германская литературная традиция.

S.A. Zhiliuk (St. Petersburg)

Traditions and Novation in Nibelungen-Studies. Part 1**

Abstract. A rare literature plot has gained so much popularity in Europe as the one about the Nibelungs – old European heroes, whose deeds described by unknown authors are still researched by scholars. Russian philologists (V. Admoni, A. Gurevich, V. Zhirmunsky, M. Steblin-Kamensky, B. Yarkho) contributed to the study in the area

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-11-00001.

** The reported study was funded by RFBR, project number 19-11-00001.

with works about heroic epos and medieval literature and language. The Russian studies focus, however, not on the lay about the Nibelungs, but deal with narrower fields, like a structure, a language or features of an epos. European scholars, like A. Heusler and U. Schulze, undertook a comprehensive study of the topic. The first part of the article presented below discusses genesis of the Nibelungs' story and the version of the Nibelungs lay which was spread in German lands in the Middle Ages and was put down as the *Lay of the Nibelungs* (*Nibelungenlied*) in the late 12th – early 13th centuries. The *Lay* is the most consistent story about the Nibelungs, and it is considered to be a profoundly studied text. Different elements of the Nibelungs' lay can be found in the texts about the horn-skinned Siegfried (*Das Lied vom hürnen Seyfrid*). Though it is widely agreed that the story roots in the events of the 5-6th centuries A.D., there is still more to be investigated to understand the evolution of the plot and its elements. The *Nibelungenlied* has been researched by many experts in the field, yet, some issues, e.g. oral/written basis of the text, archaic features and language peculiarities to name just few, need further investigation.

Key words: Nibelungenlied; Lay of Nibleungs; heroic epos; German literature history; Lied vom hürnen Seyfrid; oral-derived epic text.

Введение

Произведения, содержащие общий для германских народов сюжет о нибелунгах, неоднократно оказывались в центре внимания отечественных и зарубежных ученых; можно говорить о такой отрасли науки, как нибелунговедение. Вопрос изучения сказания о нибелунгах (или нифлунгах) требует изучения его генезиса, эволюции, дециклизации и форм, в которые оно облачается литературной традицией разных народов. Следовательно, настоящая статья посвящена как содержательной, так и формальной стороне нибелунгова сказания (далее – NS), его истории и произведениям, которые его содержат.

Произведения о нибелунгах неоднократно исследовались и переводились, однако занимают в отечественной науке «мемориальное» место: изучаемые на Западе, они выпали из рассмотрения отечественных исследователей более чем на полвека, да и в других странах почти не появилось всеобъемлющих трудов, равных по значению труду А. Хойслера. Вместе с тем накопилось много менее объемных работ, затрагивающих те «мелочи», которые способны поколебать сложившиеся научные теории.

В этой связи становится очевидной необходимость «переучета» накопленных знаний в области NS. Следует оговориться, что настоящая статья не претендует на всестороннее рассмотрение каждой проблемы, ее цель – наметить основные достижения и указать перспективы дальнейших исследований. Мы надеемся вернуть внимание и к незаслуженно забытым трудам, в частности, работам Б.И. Ярхо, которые редко упоминают в настоящее время. Не хватает работ, посвященных культурной и научной рецепции нибелунгова сказания в XIX–XXI вв. (приятным исключением являются труды А.Б. Рыкуновой).

Несмотря на то что в центре нашего внимания стоит NS, рассмотрение связанной с ним проблематики удобно вести по произведениям, в которых оно содержится. Первая часть статьи будет посвящена «Песни о нибелунгах» (NL) как крупнейшему его памятнику, а вторая расскажет об интерпретации сюжета скандинавскими народами.

История формирования сказания

Задачей настоящего раздела является представление очерка основных проблем, связанных с генезисом нибелунгова сказания. Для сколько-нибудь подробного даже не исследования, а описания этого вопроса потребуется многотомная монография, но без этого очерка наша статья была бы неполной.

Письменная фиксация сказания о Зигфриде и Кримхильд относится к XIII в., но формирование цикла NS заняло длительное время. В его основу легли исторические события времен Великого переселения народов [Хойслер 1960, Ярхо 1913, Schulze 2008]. Некоторые ученые с осторожностью говорят о возможных сказочных или мифологических основах NS [Ваева 2017], хотя это и нетипично для героического эпоса. Эти элементы могли стать более поздним приобретением цикла, а в основе его лежат исторические события, например, гибель двух бургундских королевств в V в. и VI вв. н.э. Из сборника законов германского племени бургундов, которое после разгрома переселилось в область нынешнего Лиона, нам известны имена их правителей: *Gibica*, *Gundomaris*, *Gislaharius*, *Gundaharius*, – в которых угадываются имена героев NS. Впрочем, археологи не нашли артефактов, подтверждающих существование на Рейне поселений бургундов [Traub 2013; Wackwitz 196–1965].

Но героический эпос – это не отображение исторических событий, и едва ли мы сможем точно узнать, какие события легли в основу древнегерманских сказаний. В центре каждого из двух крупных сюжетов, входящих в NS, стоит фигура женщины, что было обычно для германцев [Ярхо 1930]. По мнению Ганиной, сюжет спора королей восходит к конфликту между женами готских военачальников во времена Византийско-готской войны 535–554 г. [Ганина 2000]. Поворотным же (или центральным) моментом для NS была гибель героя (Зигфрида), к которому впоследствии притянулись и другие героические сюжеты, такие как змеборчество, отбивание клада, сватовство, добывание невесты. Первый из них засвидетельствован многими произведениями, причем со змеем борется не только Зигфрид. Под влиянием сказания о нем мотив борьбы с змеем переходит и на его отца Сигмунда (ср. «Беовульф»). Мотив клада также носит рудиментарный характер и может восходить к сказочным мотивам. Наконец, добывание невесты и сватовство – два родственных и в то же время противоречащих друг другу мотива – не только попадают в NS, но и создают в нем определенную путаницу. Отчетливо это проявляется в германской версии, где Зигфрид знает о Брюнхильд, но непонятно откуда. В сканди-

навской «Старшей Эдде» (далее – CR) не хватает тетради с песнями, относящимися к моменту встречи Сигурда и Брюнхильд, поэтому знакомство с эпизодом поездки за ней как за невестой для Гуннара / Гунтера не может не вызывать недоумения.

Единый комплекс сказаний был распространен среди германских народов до VIII в. [Ярхо 1913]. Далее последовали несколько веков изоляции, по окончании которой оказалось, что скандинавская и германская версии довольно далеко отстоят друг от друга. Более того, в них разнились характеристики персонажей, возникли новые мотивы их поведения.

Но и внутри произведений (например, NL) оказалось множество противоречий: образ Хагена во второй части – образ верного и храброго воина короля Гунтера – разительно отличается от образа предателя Хагена первой части сказания; отличаются и образы Гунтера и Кримхильд [Ярхо 1913].

Переходя от поколения к поколению, песни об исторических событиях постепенно становились седой древностью, приближаясь к сказочным временам и приобретая соответственные детали – многотысячные дружины, драконы, карлики, великаны... Изменялись не только персонажи – менялась и география их деяний. Возможно, так появились в NL «нижние земли» по Рейну, где располагалось королевство Зигфрида со столицей в загадочном Ксантене. Менялся и облик знакомых героев, и Зигфрид NL, рыцарь куртуазного воспитания, не похож на Сигурда из CR. Остаются еще отдельные черты, восходящие к древности, но их все меньше.

Причиной происходивших с сюжетом метаморфоз мог стать характер передачи сказания. До письменной фиксации в начале XIII в. (или немного раньше [Хойслер 1960]) эпос существовал в устной форме. На протяжении длительного времени ученые не могли понять, как такие объемные произведения могли сохраняться без записи. Сторонники устно-формульной теории М. Перри и А. Лорда пробовали применить ее к древнегерманской поэзии [Клейнер 2018]. Обращение к тексту NL не дало однозначного результата, и в настоящее время ученые говорят только «о нюансах и взаимопроникновении “устного” и “письменного”» [Рыкунова 2018, 320]: NL «использует формулы, для которых характерна сильная вариативность, но которые находятся в строгой базисной структуре» [Рыкунова 2015]. Возможно и другое объяснение появления формул. «Автор сознательно использует формулы как особое средство поэтического выражения, создающее эффект устности. Благодаря этой «фиктивной устности» книжный эпос остается в связи со старой эпической традицией» [Рыкунова 2015]. Вопрос формул увязывается с вопросами о стилистике текста NL и его авторстве.

В эддической поэзии формулы присутствуют в большом количестве [Мелетинский 1998], однако многие зарубежные исследователи отвергают применение формульной теории к текстам CR. Вместе с тем до настоящего момента не предпринимались попытки исследовать тексты на предмет наличия в них тем – более крупной, чем формула устной поэтической еди-

ницы [Матюшина 2018]. Кроме того, сохранившиеся исторические свидетельства говорят о том, что эддические песни – это запись устных текстов, пропевавшихся древними исполнителями. Вероятно, и «Сага о Тидреке» (TS), и «Сага о Вельсунгах» (VS) представляют собой продукт устного творчества.

Дальнейшее развитие, а точнее – дециклизация NS, носило в основном устный характер. Такое утверждение применимо к фарерским и датским балладам, а также к балладам норвежским, в которых Сигурд и другие герои первой части NS встречаются как эпизодические персонажи. Германская традиция знает и письменную традицию продолжения эволюции NS (вернее, образов сказания – в произведениях «Розовый сад», «Кудруна» и т.д.; в «Песне о роговом Зейфриде»), и устную (например, зафиксированную в «Народной книге о роговом Зигфриде»). Эволюция сказания в XIV–XVI вв. – это история дегероизации основных персонажей, представление их нередко в виде демонов, злых духов или простых глупцов. Можно предположить, что нечто подобное произошло когда-то и при формировании нибелунгова сказания, т.е. бывшие герои превратились в отрицательных или второстепенных персонажей (ср. генезис образа Хагена [Ярхо 1913]). Аналогичные процессы можно увидеть в постепенном отмирании сюжета о змеборчестве Зигфрида и сражении с нибелунгами, нашедшем свое отражение в тексте NL.

NS в немецкой литературной традиции

Один из наиболее ранних текстов на немецком языке – отрывок «Песни о Хильдебранде» – повествует о событиях, возможно, связанных с нибелунговым сюжетом, хотя в самом тексте об этом не говорится [Lühr 1982; Schumacher 2003]. Можно было бы предположить, что произведение – это один из текстов, который вместе с другими, составил ядро «Песни о нибелунгах» [Хойслер 1960], однако последние исследования ставят такое предположение под сомнение, убедительно доказывая, что «Песнь о Хильдебранде» не может быть отнесена к германскому героическому эпосу [Матюшина 2019].

«Песнь о нибелунгах»

Книжный эпос европейских народов представлен произведениями различными по объему и структуре, и NL выделяется среди них большим размером (более 2000 строф) и цельностью сюжета.

Несмотря на обширную научную библиографию, которая только за последние полвека насчитывает более 3000 работ на немецком и английском языках, остается большое количество вопросов, которые требуют дальнейшего осмысления и исследования [Kragl 2010]. В немецкоязычной литературе «Песнь о нибелунгах» исследуется вместе с «Плачем» (*Klage*, далее Kl) – текстом, рассказывающим о событиях, произошедших с оставшимися в живых героями NL.

Известно 37 рукописей, содержащих текст NL, большинство из них – это отрывки из NL, и лишь 11 рукописей представляют полный или почти полный текст [Handschriftencensus]. С 1826 г. вслед за К. Лахманом принято называть рукописи буквами латинского алфавита, первые три рукописи, найденные в XVIII в., получили наименование А, В и С [Schulze 2008].

Рукопись А (*die Hohenems-Münchner Handschrift*) была обнаружена в 1779 г. Она состоит из 2316 строф. К. Лахманн полагал, что именно эта рукопись наиболее полно передает содержание первоначального сюжета (*Urfassung*). Рукопись В (*die St. Galler Handschrift, Cod. Sang. 857*) была найдена в 1768 г. в сборнике, включавшем в себя также К1, «Парцифалья» и «Виллехальма» В. фон Эшенбаха и «Карла» Штрикера. В рукописи 2376 строф. Рукопись В, равно как и рукопись С могли быть созданы тремя переписчиками во второй четверти XIII в. [Heinzle 1991]. В. Брауне и К. Барч отдавали приоритет рукописи В, в 1870–1880 гг. было подготовлено ее комментированное издание. Рукопись С (*die Hohenems-Lafßbergische* или *Donaueschinger Handschrift*) содержит 2442 строфы. Эту рукопись в немецкой лингвистике называют *liet-Fassung*, так как последняя строка рукописи звучит следующим образом: *daz ist der Nibelunge liet*; в то время как в рукописях А и В она звучит: *daz ist der Nibelunge nôt*. Некоторые исследователи [Schulze 2008] склонны увязывать разницу в окончаниях с личным отношением переписчиков к личности Кримхильд. Более осторожен в своих оценках В.Г. Адмони, который объясняет отличие рукописи С рационалистическим мышлением беспристрастного автора [Адмони 2004]. *Liet-Fassung* в большей степени отмечена чертами куртуазности.

На протяжении долгого времени исследователи пытались ответить на вопрос, какая рукопись наиболее близка к оригиналу (*Original*) или архетипу (*Archetypus*). Нередко наблюдается противопоставление рукописей А/В и рукописи С [Hoffmann 1974]. Существуют исследования, доказывающие, что наиболее точной являются рукописи А [Fromm 1989] и С [Falk 1985; Lösel-Wieland-Engelmann 1983]. Большинство переписчиков могли быть знакомы с нибелунговым сказанием, имевшим широкое хождение на территории современных Германии и Австрии, и могли вносить собственные изменения в стиль и содержание. По мнению Мюллера, вопрос о «каноническом» тексте вообще не может быть поставлен в отношении NL, так как, не являясь священным текстом, он мог перекраиваться и переписываться в угоду моде, заказчику или другим обстоятельствам [Müller 2016].

Интерес для исследователя представляют рукопись b (Хунденсхагенская рукопись, хранится в Берлине) и отрывок Т. Рукопись b – единственная известная рукопись нибелунгова сказания, украшенная иллюстрациями. Отрывок Т содержит текст «Песни о нибелунгах» на средненидерландском языке.

Зачастую значительные расхождения в сюжете «Песни о нибелунгах» могут подтолкнуть исследователя к гипотезе, что различные редакции были созданы различными авторами. Вопрос об авторстве тесно связан с

вопросом, когда и при каких обстоятельствах была написана NL.

Запись NL относится ко времени пребывания Вольфгера фон Эрла в должности епископа Пассау (1191–1204 гг.). В.Г. Адмони отметил, что имя автора нам неизвестно, а написана NL была около 1200 г. в районе Пассау на Дунае [Адмони 2004]. Допускается, что автором NL был тот же, кто зафиксирован как автор K1 – некто *meister Kuonrât* (мастер Конрад), оставивший о себе сведения в эпилоге K1 – представитель средневекового клира, состоящий в свите высокопоставленного духовного лица [Рыкунова 2018]. В качестве заказчика мог выступать сам епископ Пассау, которого мастер Конрад упоминает в K1 под псевдонимом «епископ Пилигрим» [Хойслер 1960; Heinzle 1999]. Это гипотезы, опирающиеся на трактовку фактов, содержащихся в тексте, однако ни одна из них не может считаться доказанной. «Возможно, это знаковая анонимность... Автор «Песни» сознавал себя как преемника традиции героического эпоса» [Рыкунова 2018, 324].

Некоторые сюжеты и мотивы в NL могут пролить свет на время ее создания: например, мотив нибелунгова клада мог быть актуализирован в конце XII в., когда по Рейну доставляли огромный выкуп за английского короля [Dattenböck]. Создание NL могло быть приурочено к свадьбе Леопольда IV и византийской принцессы Феодоры [Адмони 2004], а в приеме Рюдегером бургундов нашло отражение пребывание Фридриха I у венгерского короля [Panzer 1955].

Так или иначе NL возникает в культуре, уже затронутой куртуазной культурой Франции [Panzer 1955]. В Германии складывается поэзия миннезанга, которая оказала решающее влияние на поэтическую структуру NL. Она написана так называемой кюрнберговой (или нибелунговой) строфой, не характерной для рыцарского романа. Это одна из причин относить NL не к рыцарскому роману, с которым она имеет общие черты, а к эпосу (героическому эпосу или тексту устного происхождения).

Основными аргументами в пользу такого решения служат анонимность сюжета и произведения, поэтическая форма, особенности передачи характеров и сохранение связи с реальностью [Schulze 2008]. Вместе с тем в отдельных исследованиях указываются черты NL, которые свойственны рыцарским романам: воспевание куртуазных идеалов, большое количество сказочных элементов, ярко выраженные любовные линии. Наблюдения над психологией отдельных героев позволили утверждать, что NL – одно из самых современных произведений средневековой немецкой литературы [Haug 1987].

К аргументам в пользу определения жанровой принадлежности как героического эпоса относятся исследования второй половины XX в. доказавшие, что NL могла пропеваться, хотя мы и не знаем, какая мелодия при этом предполагалась [Voetz 2003]. В настоящее время известна только одна рукопись с мелодией – это рукопись k, переложенная строфой «Младшей Песни о Хильдебранде» во второй половине XV в.

Структурно NL делится на 39 глав, которые называются авентюры. Такое обозначение (фр. *aventure* – «приключение со счастливым концом») не

характерно для немецкой средневековой литературы; более того, оно употребляется именно в значении «часть», «глава». Объем авентюр различен: если первая авентюра включает в себя 19 строф, то двадцатая – 146 строф.

С точки зрения макроструктуры NL делится на две части, как и все NS, первая из которых повествует о жизни Зигфрида (1-19 авентюры), а вторая описывает месть Кримхильд (20-39 авентюры). Каждая из частей в свою очередь подразделяется еще на две: сватовство-свадьба и месть. Таким образом, действие нанизывается на жесткий сюжетный каркас [Heinzle 1991]. Обе логические части NL равны по объему, однако это не результат случайного совпадения, а умышленный ход автора: к первой части, изначально меньшей по объему, автор добавил некоторые эпизоды [Адмони 2004], причем внимание читателя сконцентрировал на Кримхильд (она первый персонаж, который упоминается в тексте) [Schulze 2008].

Отличительной чертой NL является соотношение нового и старого как в языке, так и в сюжете. Лингвистические проблемы не получили должного освещения в зарубежной науке [Grosse 2007, 1011–1015], однако некоторые из них (хотя и далеко не все) были достаточно подробно изучены отечественными авторами [Бирр-Цуркан 2007]. Язык NL сохраняет ряд архаичных черт. В частности, используются парные выражения, некоторые из которых сохраняют типичную для древневерхненемецкой поэзии аллитерацию: *liep unde leit, mage unde man, küen unt gemeit*. В тексте встречается и большое количество повторов, что можно объяснить формульностью произведения: *Dô wart im von dem gruoze vil wol gehoehet der muot* (292) – *des wart dô vroun Kriemhilde vil wol gehoehet der muot* (1347), *si schieden vroelîchen dan* (166, 687) – *dô gie er vroelîchen dan* (905). Частью формул являются фиксированные эпитеты, используемые для описания персонажей (*edel, küen, snel, starc, grimme, mordgrimme, übele*), и числительные. Большую долю текста составляют диалоги (например, ссора королев занимает 17 строф непрерывных реплик героинь).

Вместе с тем в тексте активно используется новая для рубежа XII–XIII вв. лексика – заимствования и новообразования, связанные с придворной жизнью (*hofgesinde, hofreise, hofsîte, höveschen*). Реалии куртуазной традиции находят свое отражение в таких сферах, как названия должностей (*kuchenmeister, marscalk, truhsæze, kamarære*), описание королевского двора (*hohgezîte, êre, riterlîchiu, buhurt, palas, burc*), описание любовных чувств (*liebe, meientage, minne, vreuden, der liehe mâne*).

Вопрос о соотношении нового и старого не только в языке, но и в сюжете в целом также является одним из ключевых для понимания места NL в генезисе NS, с одной стороны, и в истории развития немецкой культуры (и немецкого языка), с другой.

К архаичным относят сцену прибытия Зигфрида в Вормс с намерением отобрать престол у Гунтера. Автору NL, по всей видимости, пришлось принаравливать здесь текст более древнего произведения к актуальным на тот момент традициям, что, однако, получилось недостаточно удачно. Ряд авторов пытался объяснить это противоречие психологическими чертами

героя [Nagel 1965; Müller 1998].

В NL сохраняются черты более ранней социальной организации. По прибытии в Изенштейн Зигфрид говорит о Гунтере *mîn herre*, в то время как сам Зигфрид назван *sîn man*. Таким образом, Зигфрид должен считаться вассалом Гунтера. Но какого рода вассалом? В Германии в момент создания NL различали свободных вассалов благородного происхождения и вассалов несвободных, и почему королевич Зигфрид стоит ниже, чем Гунтер?

Убийство Зигфрида автор подвергает актуализации: в NL вопрос приобретает государственное значение. Обстоятельства гибели Зигфрида, вероятно, были сочинены самим автором: автор вводит сюжет придворной охоты с большим количеством описаний охотничьего вооружения (под влиянием куртуазной литературы?). Кроме того, автор подчеркивает беззащитность героя перед коварством и интригами Хагена [Beyschlag 1967].

Архаичен мотив нибелунгова клада. Клад – рудимент более ранних версий нибелунгова сказания, возможно, связанный со змеборчеством или с образом перстня Андваранаут, использовавшимся в VS. Вместе с тем мотив клада играет важную роль в конце NL, когда за отказ выдать местонахождение сокровищ Хаген лишается жизни [Ehrismann 1987; Göhler 1996].

Архаичен мотив мести Кримхильд. Для средневекового христианского сознания этот мотив чужд, поэтому в конце NL автор вводит неоправданное правовыми нормами убийство Кримхильд Хильдебрандом, восстанавливая справедливость [Schulze 2008]. С другой стороны, архаичность этого мотива связана с его эсхатологическим характером и коррелирует с гибелью мира, описанной в CR [Бучилина 2007].

Наряду с архаичными в NL можно отметить приметы новой, куртуазной литературы, связанные с придворной жизнью. Наиболее заметны они в сюжете, связанном с Рюдегером из Бехеларена (возможно, этот образ восходит к недошедшей до нас песни середины XII в. [Splett 1968].

Прием, который Рюдегер оказывает Кримхильде и ее братьям, отвечает требованиям эпохи. Немаловажную роль играют жена и дочь Рюдегера и придворные дамы: они встречают гостей, приветствуют их, ведут их к столу, дочь Рюдегера целует каждого из бургундов и т.д. Гизельхер, младший брат короля Гунтера, собирается взять в супруги дочь Рюдегера (что возвращает нас к правовому вопросу о статусе действующих лиц и о том, насколько такой брак мог считаться равным с точки зрения автора и читателей NL).

Значительно более современно звучит и мотив раздвоенности Рюдегера, который вынужден принимать решение, на чьей стороне он должен вступить в конфликт между бургундами и Этцелем. Хотя элемент колебаний и был знаком древней эпической традиции (вспомним «Песнь о Хильдебранде»), но все же был реализован не с такой полнотой, как в NL. Автор осовременивает NS посредством включения в него новых сюжетов и персонажей.

Современное звучание NL придают и элементы описания придворной жизни у Гунтера: например, описание торжеств после победы над саксами, в которых участвуют придворные дамы, выполнено в духе миннезанга [Ehrismann 1987], Зигфрид и Кримхильд представлены как благородный рыцарь и его дама и т.д. Куртуазность свойственна описанию взросления Зигфрида во II авентюре (сцены пира, сцена рыцарского турнира).

В непосредственной связи с NL находится текст K1. Автор стремился показать, что гибель бургундов не стала концом всего королевства (что противоречит исторической основе) и что существование христианских народов продолжается [Curschmann 1987]. Если NL ставила перед носителями христианского сознания вопросы (о гибели Зигфрида, о допустимости мести), то автор K1 на эти вопросы отвечал с точки зрения христианской философии, что еще раз подтверждает гипотезу о том, что заказчиком NL выступал кто-то из князей церкви [Gillespie 1969; Günzburger 1983].

Текст K1 отличает германскую традицию от скандинавской, которая этого сюжета не знает, следовательно, K1 является более дополнением, возникшим непосредственно на германской почве.

В последнее время в лингвистике появились новые исследования сопоставительного характера, авторы которых проводят параллели между германским эпосом и эпосами южноевропейских [Миленкевич, Саверченко 2011] и азиатских народов [Серкова 2012, Филочкина 2012]. Указываемые их авторами черты носят единичный характер, но их дальнейшее изучение может уточнить вопросы развития эпоса в целом. Значительно более плодотворным может быть сопоставительный анализ NL с произведениями скандинавской и нижненемецкой традиций, о которых пойдет речь во второй части настоящей статьи.

Заключение

Анализ существующих научных работ демонстрирует внимание большинства исследователей к произведениям, а не к самому сюжету NS, изучение которого фокусируется прежде всего на его генезисе до письменной фиксации. Библиография по вопросу формирования NS насчитывает тысячи наименований, однако реализация NS в тексте NL по-прежнему требует дальнейшего изучения. Налицо сохранение некоторых архаичных элементов, которые, по всей видимости, были присущи NS если не изначально, то с ранних пор его существования (например, знакомство Зигфрида с Брюнхильд, добывание невесты для Гунтера, месть Кримхильд). В NL происходит переосмысление многих из них, автор пытается снять противоречия, которые они могли представлять для современников.

Уже на данном этапе можно прийти к заключению, что вопросы языковых особенностей текста важны для дальнейшего изучения NL и всего сказания в германской традиции. Без их изучения и осмысления невозможен не только более точный перевод текста на современные языки, но и понимание генезиса NL как одной из форм NS. Следует признать, что в

отечественной традиции этим вопросам уделяется больше внимания, чем за рубежом.

Наконец, еще одним немаловажным вопросом является связь NS с другими эпическими произведениями как у европейских, так и у народов других континентов. Работы на эту тему время от времени появляются в России и Европе, но можно утверждать, что мы находимся только в начале долгого и интересного пути. Более подробно изучены связи германской версии со скандинавской, их родство и различия. Вопросам скандинавской версии будет посвящена вторая часть нашей статьи.

СОКРАЩЕНИЯ

CR – Старшая Эдда
NL – Песнь о нибелунгах
NS – нибелунгово сказание
SE – Младшая Эдда
TS – Сага о Тидреке
VS – Сага о Вельсунгах

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В.Г. «Песнь о нибелунгах» – ее истоки и ее художественная структура // Песнь о нибелунгах. СПб: Наука, 2004. С. 305–336.
2. Бирр-Цуркан Л.Ф. Единицы речевого этикета и их функционирование в средневерхненемецком языке: автореф. дис. ... к. филол. н: 10.02.04. СПб., 2007.
3. Бучилина Ю.Н. Архетипическая основа «Песни о нибелунгах» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 4. С. 183–187.
4. Ганина Н.А. Спор королей (Песнь о Нибелунгах, XIV авентюра): генезис коллизии и синхрония текста // Атлантика: записки по исторической поэтике. Т. 5. М.: Издательство Московского университета, 2005. С. 130–147.
5. Клейнер Ю.А. А.Б. Лорд и древнегерманская устная традиция // Лорд А. Сказитель. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. С. 518–543.
6. Лорд А. Сказитель. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.
7. Матюшина И.Г. Нарушение канона типовой сцены в древнегерманском эпосе // Фольклор. Структура, типология, семиотика. 2019. № 1. С. 104–137.
8. Матюшина И.Г. Эддическая поэзия // Памятники книжного эпоса Запада и Востока. М.: Инфра-М, 2018. С. 251–317.
9. Мелетинский Е.М. «Общие места» и другие элементы фольклорного стиля в эддической поэзии // Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания. М.: РГГУ, 1998. С. 382–400.
10. Миленкевич Н.И., Саверченко И.В. «Песнь о нибелунгах» и героические песни косовского цикла. Типологические связи // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна. 2011. № 3. С. 153–157.

11. Рыкунова А.Б. К вопросу о научной и культурной рецепции «Песни о нибелунгах» // Шаги/Steps. 2015. № 1. С. 131–150.

12. Рыкунова А.Б. Песнь о Нибелунгах // Памятники книжного эпоса Запада и Востока. М.: Инфра-М, 2018. С. 317–337.

13. Серкова О.А. Сравнительно-исторический анализ средневековых героических эпопей. Литературные особенности текстов «Повести о доме Тайра» и «Песни о нибелунгах» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 9. С. 173–177.

14. Филочкина А.В. Вступление в брак эпической героини: сопоставление древнеиндийского эпоса с другими эпосами мира // Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2012. № 1. С. 110–117.

15. Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах / пер. с английского. М.: Иностранная литература, 1960.

16. Ярхо Б.И. Сказание о Сигурде Фафнисбани и его отражение в русском эпосе // Русский филологический вестник. 1913. Т. 69. № 2. С. 442–466; Т. 70. № 4. С. 385–440; 1914. Т. 71. № 1. С. 196–234; Т. 72. № 3/4. С. 331–379; 1915. Т. 73. № 1. С. 105–115.

17. Beyschlag S. Das Nibelungenlied als aktuelle Dichtung seiner Zeit // Germanisch-Romanische Monatsschrift. 1967. Bd. 48. S. 225–231.

18. Curschmann M. Nibelungenlied und Klage // Die Deutsche Literatur des Mittelalters / Hrsg. von K. Ruh, G. Keil, W. Schröder, B. Wachinger, F.J. Worstbrock. Verfasserlexikon. Berlin, New York: De Gruyter, 1987. S. 926–969.

19. Dattenböck H. König Richard Löwenherz und das Nibelungenlied. URL: <http://www.nibelungenlied-verfasser.at/buecher.html> (дата обращения 06.05.2020).

20. Ehrismann O. Archaisches und Modernes im Nibelungenlied // Hohenemser Studien zum Nibelungenlied: Unter Mitarbeit von Irntraud Albrecht / Hrsg. von A. Masser. Dornbirn: Vorarlberger Verlagsanstalt, 1981. S. 164–174.

21. Ehrismann O. Nibelungenlied. Epoche, Werk, Wirkung. München: C.H. Beck, 1987.

22. Falk W. Wer war Volker? // W. Falk. Die Entdeckung der potentialgeschichtlichen Ordnung. Teil 1: Der Weg zur Komponentanalyse. Bern; New York: de Gruyter, 1985. S. 17–201.

23. Gillespie G.T. Die Klage as a Commentary on Das Nibelungenlied // Probleme mittelhochdeutscher Erzählformen / Hrsg. von P. Ganz, W. Schröder. Marburg: Marburger Colloquium, 1969. S. 153–177.

24. Göhler P. Überlegung zur Funktion des Hortes im Nibelungenlied // Hansische Literaturbeziehungen. Das Beispiel der Thidrekssaga und verwandter Literatur. Berlin; New York: de Gruyter, 1996. S. 215–235.

25. Grosse S. Kommentar und Nachwort // Das Nibelungenlied. Stuttgart: Reclam, 2007. S. 719–1031.

26. Günzburger A. Studien zur Nibelungenklage. Forschungsbericht – Bauform der Klage. Personendarstellung. Frankfurt am Main, Berlin: Lang, 1983.

27. Handschriftencensus. Eine Bestandaufnahme der handschriftlichen Überlieferung deutschsprachiger Texte des Mittelalters. URL: <http://www.handschriftencensus.de/> (дата обращения 06.09.2020).

28. Haug W. Montage und Individualität im Nibelungenlied // Nibelungenlied und Klage. Sage und Geschichte, Struktur und Gattung. Heidelberg: Winter, 1987. S. 277–293.
29. Heinze J. Einführung in die mittelhochdeutsche Dietrichepik. Berlin; New York: De Gruyter, 1999.
30. Heinze H. Das Nibelungenlied. Eine Einführung. München: Artemis und Winkler Verlag, 1991.
31. Hoffmann W. Mittelhochdeutsche Heldendichtung. Berlin: Erich Schmidt, 1974.
32. Kragl F. Nibelungenlied und Nibelungensage: Kommentierte Bibliographie 1945–2010. Berlin: Akademie Verlag, 2012.
33. Lösel-Wieland-Engelmann B. Die wichtigsten Verdachtsmomente für eine weibliche Verfasserschaft des Nibelungenlieds // Feminismus. Inspektion der Herrenkultur / Hrsg. von L. Pusch. Frankfurt am Main: Niemeyer, 1983. S. 149–170.
34. Lühr R. Studien zur Sprache des Hildebrandsliedes. Frankfurt am Main: Lang, 1982.
35. Müller J.-D. Vulgatafassung? Zur Fassung *C des “Nibelungenliedes” und den sog. kontaminierten Fassungen // Beiträge zur Geschichte Der Deutschen Sprache und Literatur. 2016. Vol. 138. № 2. P. 227–263.
36. Müller J.-D. Spielregeln für den Untergang: Die Welt des Nibelungenlieds. Tübingen: Narr, 1998.
37. Nagel B. Das Nibelungenlied. Stoff – Form – Ethos. Frankfurt am Main: Hirschgraben Verlag, 1965.
38. Panzer F. Das Nibelungenlied. Entstehung und Gestalt. Stuttgart: Kohlhammer, 1955.
39. Schulze U. Das Nibelungenlied. Stuttgart: Reclam, 2008.
40. Schumacher M. Wortkampf der Generationen. Zum Dialog zwischen Vater und Sohn im “Hildebrandslied” // Jugendsprache – Jugendliteratur – Jugendkultur. Interdisziplinäre Beiträge zu sprachkulturellen Ausdrucksformen Jugendlicher / Hrsg. von E. Neuland. Frankfurt am Main: Lang, 2003. S. 183–190.
41. Splett J. Rüdiger von Bechelaren. Studien zum zweiten Teil des Nibelungenlieds. Heidelberg: Winter, 1968.
42. Traub R. Mär von deutschen Recken // Der Spiegel. Geschichte. 2013. № 2. S. 102–107.
43. Voetz L. Die Nibelungenlied-Handschriften des 15. und 16. Jahrhunderts im Überblick. Mit einem Anhang zur Bebilderung des “Hundeshagenschen Codex” (b) // Die Nibelungen. Sage – Epos – Mythos / Hrsg. von J. Heinze, K. Klein, U. Obhof. Wiesbaden: Reichert, 2003. S. 283–305.
44. Wackwitz P. Gab es ein Burgonderreich in Worms? // Beiträge zu den Geschichtlichen Grundlagen der Nibelungensage. Bd. 2. Worms: Verlag Stadtbibliothek, 1964–1965. S. 265–294.

REFERENCES
(Articles from Scientific Journals)

1. Beyschlag S. Das Nibelungenlied als aktuelle Dichtung seiner Zeit. *Germanisch-Romanische Monatsschrift*, 1967, Bd. 48, pp. 225–231. (In German).

2. Buchilina Yu.N. Arkhetipicheskaya osnova “Pesni o nibelungakh” [Archetypical Base of the Nibelungenlied]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2007, no. 4, pp. 183–187. (In Russian).

3. Filochkina A.V. Vstupleniye v brak epicheskoy geroini: sopolastvaniye drevneindiyskogo eposa s drugimi eposami mira [Wedding of an Epic Woman: Comparative Analysis of Old Indian Epic and Epic Texts of Other Peoples]. *Vestnik SPbGU. Ser. 13*, 2012, no. 1, pp. 110–117. (In Russian).

4. Matyushina I.G. Narusheniye kanona tipovoy stseny v drevnegermanskom epose [The Refutation of the Canonical Structure of the Type-Scene in Old High German Heroic Epic]. *Fol'klor. Struktura, tipologiya, semiotika*, 2019, no. 1, pp. 104–137. (In Russian).

5. Milenkevich N.I., Saverchenko I.V. “Pesn’ o nibelungakh” i geroicheskiye pesni kosovskogo tsikla. Tipologicheskiye svyazi [Lay of the Nibelungs and Heroic Lays of Kosovo Cycle]. *Vestnik Mazyrskaya dzyarzhaynaga pedagogichnaya yuniversiteta imya I.P. Shamyakina*, 2011, no. 3, pp. 153–157. (In Russian).

6. Müller J.-D. Vulgatafassung? Zur Fassung *C des “Nibelungenliedes“ und den sog. kontaminierten Fassungen. *Beiträge zur Geschichte Der Deutschen Sprache und Literatur*. 2016, vol. 138, no. 2, pp. 227–263. (In German).

7. Rykunova A.B. K voprosu o nauchnoy i kul’turnoy retseptsii “Pesni o nibelungakh” [On Scholarly and Cultural Reception of Nibelungenlied]. *Shagi/Steps*, 2015, no. 1, pp. 131–150. (In Russian).

8. Serkova O.A. Sravnitel’no-istoricheskiy analiz srednevekovykh geroicheskikh epopey. Literaturnyye osobennosti tekstov “Povesti o dome Tayra” i “Pesni o nibelungakh” [A Comparative Study of the Medieval Heroic Epic. Features of the “Lay of the Nibelungs” and “The Tale of the Heike”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2011, no. 9, pp. 173–177. (In Russian).

9. Traub R. Mär von deutschen Recken. *Der Spiegel. Geschichte*, 2013, no. 2, p. 102–107. (In German).

10. Yarkho B.I. Skazaniye o Sigurde Fafnisbani i ego otrazheniye v russkom epose [Lay of Sigurd the Fafnisbani and Its Ties to the Russian Epic]. *Russkiy filologicheskii vestnik*, 1913, vol. 69, no. 2, pp. 442–466; vol. 70, no. 4, pp. 385–440; 1914, vol. 71, no. 1, pp. 196–234; vol. 72, no. 3/4, pp. 331–379; 1915, vol. 73, no. 1, pp. 105–115. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

11. Admoni V.G. “Pesn’ o nibelungakh” – eye istoki i eye khudozhestvennaya struktura [“The Lay of the Nibelungs” – its Origins and Its Artistic Structure]. *Pesn’ o nibelungakh* [“The Lay of the Nibelungs”]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 305–336. (In Russian).

12. Curschmann M. Nibelungenlied und Klage. *Die Deutsche Literatur des Mittelalters*. Hrsg. von K. Ruh, G. Keil, W. Schröder, B. Wachinger, F.J. Worstbrock. Verfasserlexikon. Berlin; New York, De Gruyter Publ., 1987, pp. 926–969. (In German).

13. Ehrismann O. Archaisches und Modernes im Nibelungenlied. *Hohenemser Studien zum Nibelungenlied: Unter Mitarbeit von Irmtraud Albrecht*. Hrsg. von A. Masser. Dornbirn, Vorarlberger Verlagsanstalt, 1981, pp. 164–174. (In German).

14. Falk W. Wer war Volker? *W. Falk. Die Entdeckung der potentialgeschichtlichen Ordnung. Teil 1: Der Weg zur Komponentanalyse*. Bern; New York, de Gruyter Publ., 1985, pp. 17–201. (In German).

15. Ganina N.A. Spor korolev (Pesn' o Nibelungakh, XIV aventyura): genesis kolizii i sinkroniya teksta [The Queens' Dispute (Lay of the Nibelungs, Aventure 14): the Genesis of the Collision and the Synchrony of the Text]. *Atlantika: zapiski po istoricheskoy poetike* [Atlantica: Notes on Historical Poetics]. Vol. 5. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 2005, pp. 130–147. (In Russian).

16. Gillespie G.T. Die Klage as a Commentary on Das Nibelungenlied. *Probleme mittelhochdeutscher Erzählformen*. Hrsg. von P. Ganz, W. Schröder. Marburg, Marburger Colloquium Publ., 1969, pp. 153–177. (In German).

17. Göhler P. Überlegung zur Funktion des Hortes im Nibelungenlied. *Hansische Literaturbeziehungen. Das Beispiel der Thidrekssaga und verwandter Literatur*. Berlin; New York, de Gruyter Publ., 1996, pp. 215–235. (In German).

18. Grosse S. Kommentar und Nachwort. *Das Nibelungenlied*. Stuttgart, Reclam Publ., 2007, pp. 719–1031. (In German).

19. Haug W. Montage und Individualität im Nibelungenlied. *Nibelungenlied und Klage. Sage und Geschichte, Struktur und Gattung*. Heidelberg, Winter Publ., 1987, pp. 277–293. (In German).

20. Kleyner Yu.A. A.B. Lord i drevnegermanskaya ustnaya traditsiya [A.B. Lord and the Old German Oral Tradition]. *Lord A. Skazitel'* [Storyteller]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ., 2018, pp. 518–543. (In Russian).

21. Lösel-Wieland-Engelmann B. Die wichtigsten Verdachtsmomente für eine weibliche Verfasserschaft des Nibelungenlieds. *Feminismus. Inspektion der Herrenkultur*. Hrsg. von L. Pusch. Frankfurt am Main, Niemeyer Publ., 1983, pp. 149–170. (In German).

22. Matyushina I.G. Eddicheskaya poeziya [Eddic Poetry]. *Pamyatniki knizhnogo eposa Zapada i Vostoka* [Monuments of the Book Epic of the West and the East]. Moscow, Infra-M Publ., 2018, pp. 251–317. (In Russian).

23. Meletinskiy E.M. "Obshchiye mesta" i drugiye elementy fol'klornogo stilya v eddiche-skoy poezii ["Common Places" and Other Elements of Folk Style in Eddic Poetry]. *Meletinskiy E.M. Izbrannyye stat'i. Vospominaniya* [Meletinskiy E.M. Selected Articles. Memories]. Moscow, RGGU Publ., 1998, pp. 382–400. (In Russian).

24. Rykunova A.B. Pesn' o Nibelungakh [Lay of the Nibelungs]. *Pamyatniki knizhnogo eposa Zapada i Vostoka* [Monuments of the Book Epic of the West and the East]. Moscow, Infra-M Publ., 2018, pp. 317–337. (In Russian).

25. Schumacher M. Wortkampf der Generationen. Zum Dialog zwischen Vater und Sohn im "Hildebrandslied". *Jugendsprache – Jugendliteratur – Jugendkultur. Inter-*

disziplinäre Beiträge zu sprachkulturellen Ausdrucksformen Jugendlicher. Hrsg. von E. Neuland. Frankfurt am Main, Lang Publ., 2003, pp. 183–190. (In German).

26. Voetz L. *Die Nibelungenlied-Handschriften des 15. und 16. Jahrhunderts im Überblick*. Mit einem Anhang zur Bebilderung des “Hundeshagenschen Codex” (b). *Die Nibelungen. Sage – Epos – Mythos*. Hrsg. von J. Heinzele, K. Klein, U. Obhof. Wiesbaden, Reichert Publ., 2003, pp. 283–305. (In German).

27. Wackwitz P. *Gab es ein Burgonderreich in Worms? Beiträge zu den Geschichtlichen Grundlagen der Nibelungensage*. Bd. 2. Worms, Verlag Stadtbibliothek, 1964–1965, pp. 265–294. (In German).

(Monographs)

28. Ehrismann O. *Nibelungenlied. Epoche, Werk, Wirkung*. München, C.H. Beck Publ., 1987. (In German).

29. Günzburger A. *Studien zur Nibelungenklage. Forschungsbericht – Bauform der Klage. Personendarstellung*. Frankfurt am Main, Berlin, Lang Publ., 1983. (In German).

30. Heinzele H. *Das Nibelungenlied. Eine Einführung*. München, Artemis und Winkler Verlag, 1991. (In German).

31. Heinzele J. *Einführung in die mittelhochdeutsche Dietrichepik*. Berlin; New York, De Gruyter Publ., 1999. (In German).

32. Heusler A. *Germanskiy geroicheskiy epos i skazaniye o Nibelungakh* [German Heroic Epic and the Legend of the Nibelungs]. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1960. (Translated from English into Russian).

33. Hoffmann W. *Mittelhochdeutsche Heldendichtung*. Berlin, Erich Schmidt Publ., 1974. (In German).

34. Kragl F. *Nibelungenlied und Nibelungensage: Kommentierte Bibliographie 1945–2010*. Berlin, Akademie Verlag, 2012. (In German).

35. Lord A. *Skazitel'* [Storyteller]. St. Petersburg, European University at St. Petersburg Publ., 2018. (In Russian).

36. Lühr R. *Studien zur Sprache des Hildebrandliedes*. Frankfurt am Main, Lang Publ., 1982. (In German).

37. Müller J.-D. *Spielregeln für den Untergang: Die Welt des Nibelungenlieds*. Tübingen, Narr Publ., 1998. (In German).

38. Nagel B. *Das Nibelungenlied. Stoff – Form – Ethos*. Frankfurt am Main, Hirsgraben Verlag, 1965. (In German).

39. Panzer F. *Das Nibelungenlied. Entstehung und Gestalt*. Stuttgart, Kohlhammer Publ., 1955. (In German).

40. Schulze U. *Das Nibelungenlied*. Stuttgart, Reclam Publ., 2008. (In German).

41. Splett J. *Rüdiger von Bechelaren. Studien zum zweiten Teil des Nibelungenlieds*. Heidelberg, Winter Publ., 1968. (In German).

(Thesis and Thesis Abstracts)

42. Birr-Tsurkan L.F. *Edinitsy rechevogo etiketa i ikh funkcionirovanie v srednev-erkhnenemetskom yazyke*. [Speaking Etiquette Elements in Middle High German and Their Functioning]. PhD Thesis Abstract. St. Petersburg, 2007. (In Russian).

(Electronic Resources)

43. Dattenböck H. *König Richard Löwenherz und das Nibelungenlied*. Available at: <http://www.nibelungenlied-verfasser.at/buecher.html> (accessed 06.05.2020). (In German).

44. *Handschriftencensus. Eine Bestandaufnahme der handschriftlichen Überlieferung deutschsprachiger Texte des Mittelalters*. Available at: <http://www.handschriften-census.de/> (дата обращения 06.09.2020). (In German).

Жилок Сергей Александрович, Санкт-Петербургский государственный университет.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингводидактики филологического факультета. Научные интересы: германские языки: история, лексикология, литература; культура и литература германских народов, героический эпос и история его формирования в Европе.

E-mail: s.zhilyuk@spbu.ru, s.a.jiluck@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-0090-9068

Sergei A. Zhiliuk, Saint Petersburg State University.

Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Didactics in Linguistics and Foreign Languages, Philological Faculty. Research interests: German languages – their history and lexicology, literature and culture of German peoples, heroic epic and its history in Europe.

E-mail: s.zhilyuk@spbu.ru, s.a.jiluck@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-0090-9068